

О.В. Ауров

МЕСТНОЕ РЫЦАРСТВО В КАСТИЛЬСКОМ ГОРОДЕ
К СЕРЕДИНЕ XIV ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СЕПУЛЬВЕДА)

Цель статьи – попытка переосмыслить некоторые традиционные историографические представления о характере эволюции местного рыцарства в Центральной Испании в XI – середине XIV вв. Представлению о «демократическом» или «народном» рыцарстве (*caballeros villanos*) автор противопоставляет тщательный анализ источников по локальной истории из архива города Сепульведа. Данные местных городских хартий (фуэро), а также актовый материал свидетельствуют о том, что в своей эволюции местное сепульведское рыцарство прошло те же этапы, что и представители того же социального слоя за Пиренеями. А именно – от статуса незнатных профессиональных конников до низшей страты господствующего феодального класса. Основным объектом анализа являются военные функции, правовое положение, источники доходов и формы самосознания местного рыцарства Сепульведы в указанный период.

Ключевые слова: средние века; королевство Кастилия; средневековое рыцарство; *caballeros villanos*; фуэро; рыцарское вооружение и снаряжение; средневековая война; консехо; фонсадера; средневековая Испания; Реконкиста.

Историческое значение феномена средневекового рыцарства заключается уже в том, что без его учета невозможно понять важные истоки классической европейской культуры. Вероятно, это замечание особенно верно применительно к культуре Кастилии, с ее «Дон Кихотом» и всем аристократическим духом испанского золотого века. В поисках исторических истоков этого феномена, среди прочего, историк неизбежно соприкасается с выдающимися памятниками истории средневекового права Испании

О.В. Ауров

и, прежде всего, ее сердца – центральной Кастилии, в числе которых «Пространное фуэро» (конец XIII в.) небольшого городка Сепульведа традиционно занимает свое особое место.

Этот текст, хорошо знакомый и отечественным историкам-испанистам¹, среди прочего, содержит одну норму, которая, по нашему мнению, представляет особенный интерес в контексте настоящего исследования. Речь идет о титуле 213, который можно перевести следующим образом: «Любой житель пригорода, *который не является ремесленником* (курсив наш. – О.А.) и владеет конем, стоимостью не менее 20 мараведи, который не ходит в упряжи (т. е. предназначен исключительно для верховой езды. – О.А.), а также имеет щит, копье, пурпуан и шлем, пусть не платит никаких платежей, кроме монеты, и пусть освободит своих слуг, так же как и те, кто живет в самом городе»².

Как правило, исследователи подчеркивали позитивную часть содержания нормы (а именно, критерии, позволяющие жителю пригорода быть причисленным к сепульведским рыцарям), в то время как негативная часть (категорический запрет на включение ремесленников (*menestrales*) в эту привилегированную сословную группу), как правило, выпадает из их поля зрения. Между тем, как представляется, речь идет о явлении первостепенной важности: в обществе средневековой Сепульведы ремесленники в массе своей принадлежали к числу людей обеспеченных и, по меньшей мере, наиболее состоятельные из них вполне могли позволить себе иметь боевого коня, а также рыцарское вооружение и снаряжение. Однако законодатель, явно заинтересованный в увеличении числа рыцарей – главной ударной силы кастильского войска, в данном случае по какой-то причине словно бы противоречит своим собственным интересам, закрывая доступ в среду рыцарей для лиц, чей достаток явно соответствовал необходимым критериям. Возникает вопрос – почему? Поиску ответа на него и посвящена настоящая статья.

Начнем с констатации очевидного: содержание приведенного фрагмента явно не соотносится с господствующей историографической парадигмой. В историографии давно и прочно утвердился образ незнатной (вилланской) конницы (*caballería villana*), «демократического» (*caballería democrática*) (Р. Менендес Пидаль³) или

даже «народного» (К. Пескадор⁴) рыцарства. Традиционно эта сословная группа противопоставляется знатному рыцарству, т. е. собственно феодальной аристократии – идальго (*fijosdalgo*) и инфансонам (*infanzones*). Принято обращать внимание на нефеодальный характер образа жизни «народного рыцарства» и его тесную и неразрывную связь с городским сословием. Так, по мнению аргентинской исследовательницы К. Пескадор, эта социальная группа «феодализировалась» и была включена в состав господствующего сословия лишь в середине XIV в. Именно поэтому в качестве верхней хронологической границы настоящего исследования избрана эта дата. Ниже речь пойдет о предшествующем ей периоде, когда, судя по сложившимся историографическим представлениям, «конники-вилланы» являлись неотъемлемой (пусть и привилегированной) частью незнатного городского населения.

Прежде всего заметим, что сам по себе факт присутствия незнатных элементов в составе средневекового рыцарства, по меньшей мере до начала XIII в., вовсе не вызывает удивления. Данные из регионов, расположенных к северу от Пиренеев, свидетельствуют о том, что запиренейское рыцарство (или *militia*, если пользоваться латинской терминологией) в процессе своего генезиса как особой сословной группы вбирало в свой состав представителей самых разных, в том числе – и незнатных, слоев средневекового общества. Однако в процессе дальнейшей эволюции рыцарство все более сближалось с феодальной знатью и постепенно аноблировалось, превращалась в ее неотъемлемую часть⁵.

Между тем в среде испанистов феномен «незнатного рыцарства» до сих пор принято рассматривать как исключительную пиренейскую особенность. Насколько нам известно, впервые концепция особой роли массовой пиренейской незнатной конницы (исп.: *caballería ciudadana (villana)*) была сформулирована в работах выдающегося португальского медиевиста, писателя (его даже называли «португальским Шатобрианом») и политика А. Эркулану (1810–1877). Для него, убежденного *романиста* по своим взглядам, эта «незнатная конница» являлась прямым преемником традиции позднеримских куриалов, которые, как он считал, в вестготский период были обязаны нести военную службу в коннице. Ученый противопоставлял этих наследников римской муниципальной верхушки протофеодальным тенденциям, свойственным обществу и власти вестготской

О.В. Ауров

эпохи, стремясь тем самым обосновать тезис о феодальном характере этого слоя, подчеркнуть его роль как носителя духа римской гражданской свободы. Из этого тезиса Эркулану логически выводил представление о феодальном характере средневекового пиренейского местного рыцарства. Более того, образ этих рыцарей-горожан превратился в один из важнейших элементов того политического идеала, который португальский историк видел в португальской монархии эпохи высокого Средневековья. Он считал, что в рамках этой монархии был достигнут оптимальный баланс аристократического (явленного королевской властью) и демократического (свободного) начал. Носителями последнего в его концепции представляли средневековые территориальные общины (*concelhos*), руководимые конниками-вилланами (*cavaleiros vilãos*)⁶.

Естественно, в дальнейшем взгляды Эркулану подверглись активной критике со стороны пиренейских германистов, прежде всего – крупнейшего из них, Э. де Инохоса-и-Навероса (1859–1919)⁷. Выдающийся испанский историк права, Инохоса отверг романтические основы концепции «португальского Шатобриана», но в то же время, по существу, сохранил образ консехо – средневекового муниципия (естественно, выдвинув тезис о его германских истоках) как демократического института, возглавляемого социальным слоем незнатных конников (которые, правда, уже не мыслились как преемники римских куриалов)⁸. В дальнейшем едва ли не наиболее яркий и известный из учеников Э. де Инохосы, блестящий испанский медиевист К. Санчес-Альборнос-и-Мендуинья (1893–1984)⁹, которого принято рассматривать как основателя научной медиевистики в Испании, развивая взгляды своего учителя, выдвинул концепцию «особого» (*un société d'exception*) раннесредневекового испанского общества¹⁰.

Не вдаваясь в детали этой концепции, остановимся лишь на некоторых ее аспектах, связанных с контекстом настоящей статьи. Прежде всего, К. Санчес-Альборнос дал новое обоснование тезису о запустении после мусульманского завоевания долины р. Дуэро (некогда его выдвинул еще А. Эркулану). Развивая эту мысль, он констатировал особый характер процесса колонизации этого региона (так называемой «Эстремадуры»)¹¹, которая, по его мнению, начиналась абсолютно *ex novo*, вне сколь-нибудь значимых влияний предшествующих форм социальной жизни и, прежде

всего, социального неравенства. Возникшие здесь сельские крестьянские общины-консехо носили четко выраженный свободный характер и постепенно эволюционировали, превратившись в ранние муниципии¹². При этом для самозащиты общинники должны были нести военную службу в ополчении. Постепенно на основе состоятельной общинной верхушки сложился слой свободных незнатных конников-вилланов, в число которых вошли лица, способные за свой счет приобрести боевого коня, вооружение и снаряжение, необходимые для несения военной службы в коннице, при этом обладавшие необходимыми для этого навыками. Эта стихийно сложившаяся практика получила поддержку со стороны кастильских графов, жаловавших привилегии для стимулирования описанной службы; итогом этого процесса стало появление целой серии привилегированных фуэро, наиболее значимым из которых является фуэро Кастрохериса 974 г.¹³

Заметим, что ныне степень изначальной неосвоенности долины Дуэро представляется гораздо меньшей, чем во времена Санчеса-Альборноса, прежде всего, в свете данных активных археологических исследований последних десятилетий¹⁴. Несколько по-иному в настоящее время рассматривается и сама концепция средневекового понимания концепта свободы вообще и в раннее Средневековье в частности с учетом наших современных знаний о средневековом образе мышления вообще и правовом мышлении в частности¹⁵. Однако полвека назад, когда Санчес-Альборнос, а вслед за ним его ученики, развивавшие взгляды своего учителя, многое из того, что мы знаем сейчас, было еще просто неизвестно. Так, Л.Г. де Вальдеавельяно исходил в своих взглядах из концепций истории средневекового города, в свое время выдвинутых великим А. Пиренном. Соответственно, в рамках предложенной концепции классификации средневековых городов Кастильско-Леонского королевства городские поселения Эстремадуры характеризовались как военно-аграрные и скотоводческие, а городская верхушка – так называемые городские конники (*caballeros ciudadanos*) – рассматривалась как определенный (пусть и не абсолютный) аналог пиренновского «городского патрициата»¹⁶.

Почти одновременно с Л.Г. де Вальдеавельяно, в Аргентине, свою концепцию истории средневекового кастильско-леонского города выдвинула М. дель Кармен-Карле, представительница млад-

О.В. Ауров

шего поколения историко-институциональной школы К. Санчеса-Альборноса. В данном случае наиболее важным представляется замечание о том, что «городские конники» – кабальеро – заняли лидирующее положение в городах Кастилии и Леона и обрели монополию на власть уже в конце XII в.¹⁷ Наконец, концепция так называемого народного рыцарства была наиболее полно сформулирована в работах другой аргентинской ученицы К. Санчеса-Альборноса – К. Пескадор¹⁸. Интересно, что почти одновременно с ней к близким выводам в Англии пришла Е. Лурье¹⁹. После этого и до настоящего времени близкие точки зрения получили распространение во многих общих работах, в том числе и за пределами Испании²⁰. В СССР близкие взгляды высказывал трагически рано погибший С.Д. Червонов и др.²¹

В настоящее время подобную позицию разделить все сложнее. С одной стороны, в работах, вышедших в свет в последние два десятилетия, все более активно подвергается сомнению концепция «особого общества», по меньшей мере – применительно к периоду высокого Средневековья²². С другой стороны, в свете работ Ж. Дюби, Ж. Флори, Р. Фоссье, Ф. Кардини, М. Кина, П.Д. Косса и некоторых других²³ коренным образом изменился сам подход к изучению западноевропейского средневекового рыцарства. Естественно, возникает желание использовать подходы, разработанные в этих исследованиях, и к изучению пиренейского рыцарства.

От обсуждения историографических концепций перейдем к данным конкретных источников²⁴. Однако прежде следует сделать две важные оговорки. Первая касается роли войны как определяющего фактора в жизни европейского средневекового общества, в том числе – и пиренейского общества эпохи Реконкисты²⁵. Вторая касается особой роли рыцарства в военизированном обществе средних веков начиная с каролингского времени, но особенно с X–XI столетий, когда оно превратилось в главную военную силу. Быстрая техническая эволюция рыцарского вооружения и снаряжения самым непосредственным образом отражалась на росте его стоимости. Усложнение технических приемов кавалерийского боя требовало профессионализации конников, или *milites*. В свою очередь, оба эти обстоятельства предопределили как неуклонное повышение статуса рыцарства, развитие рыцарских привилегий, так и включенность рыцарей в систему вассально-сеньориальных связей.

Латинское фуэро Сепульведы 1076 г. возникло именно в эпоху возвышения рыцарства: не случайно связанные с этим явления нашли самое непосредственное отражение в его тексте. Прежде всего следует отметить норму, которой законодатель жалует фискальные льготы лицам, предоставившим коннику необходимое снаряжение на время похода²⁶. Эта норма не является пространной – так же как и само фуэро. Поэтому ее следует прокомментировать содержанием свидетельств иного происхождения, имеющих в нашем распоряжении. Первое²⁷ представляет собой грамоту 1033 г., согласно которой стоимость кольчуги – наиболее дорогостоящего предмета рыцарского снаряжения – оказывается весьма значительной, сопоставимой по масштабу с сельской виллой. Второе представляет собой фрагмент текста²⁸, относящегося к тому же периоду, что Краткое фуэро Сепульведы. Он является частью «Хроники Родриго» (в других рукописях – «Истории Родриго», или «Деяний Родриго»), написанной в начале XII в. современником (или даже сподвижником) знаменитого Сиды – Родриго Диаса де Вивар. Автор, стремясь возвеличить силу и воинское искусство своего героя, специально выделяет тот факт, что в сражении у стен города Саморы Сид лично одержал победу над пятнадцатью конниками противника, из числа которых семь были *даже* одеты в кольчуги. Следовательно, в эпоху провозглашения Краткого фуэро Сепульведы (1076) отнюдь не все рыцари имели возможность приобрести этот важный предмет снаряжения конника.

Со временем проблема обеспечения конников необходимым вооружением и снаряжением не становилась более легкой. Наоборот, возникает впечатление, что с техническим прогрессом в этой области она, скорее, усложнялась. «Пространное фуэро Сепульведы»²⁹ в числе предметов, необходимых рыцарю для военных походов, называет не только кольчугу, меч, копье и шлем, но и другие важные принадлежности, включая особое защитное вооружение для боевого коня. В совокупности все перечисленное должно было иметь высокую стоимость, которая с течением времени лишь возрастала.

Но значительной материальной ценностью обладало не только вооружение и снаряжение рыцаря, но и его боевой конь³⁰. Данные на этот счет существуют с раннего Средневековья³¹. Показательно, что в документах нередко содержится информация не только

О.В. Ауров

о стоимости, но также и о цвете коня. Едва ли эти сведения имели значимое практическое значение. Вероятно, в определенной степени цвет был идентифицирующим признаком, однако едва ли это было единственной причиной упоминаний о нем. Скорее соответствующие указания следует связать с символической ценностью коня, видимо, эквивалентной материальной. Важно отметить, что хотя приведенные документы датируются X–XI вв., однако едва ли ситуация сильно изменилась и в последующий период³². Во всяком случае в «Песни о моем Сиде» взнузданные кони под седлом (иногда с притороченным к нему мечом) фигурируют в качестве одного из главных объектов военной добычи. Эта информация имеет прямые параллели в документальных и нормативных текстах того же времени. Тем не менее данные эпоса заслуживают особого внимания, поскольку в наиболее очевидной форме отражают символическую ценность интересующего нас объекта. В продолжение темы следует упомянуть также одну из норм «Королевского фуэро» Альфонсо X Мудрого, регулирующих стоимость боевых коней и четко отделяющих последних от рабочих лошадей и кобылиц. Одновременно в тексте привилегии, сопровождавшей акт пожалования этого фуэро целому ряду городов Кастилии и Леона в 1256–1257 гг., также устанавливается минимальная стоимость коня, которая выглядит достаточно значительной – 30 мараведи.

Очевидно, что на рубеже раннего и высокого Средневековья организация крупных отрядов рыцарей, состоящих из конных контингентов, выставлявшихся консехо, являлась важной целью феодальной власти, как королевской, так и графской. Практика привлечения незнатных людей к службе в коннице возникла достаточно рано. Можно выделить три основных пути обеспечения таких воинов всем необходимым для выполнения ими служебных обязанностей. Первый из них (пусть и не упоминаемый в сохранившихся версиях, А и В, латинского фуэро Сепульведы³³, но полностью соответствующий его духу) – жесткая регламентация порядка наследования боевых коней, рыцарского вооружения и снаряжения³⁴. «Пространное фуэро Сепульведы» позволяет разделять их полный комплект лишь в экстраординарных случаях. Эта же норма устанавливается и королевскими привилегиями того же времени.

Второй способ также не упоминается в тексте латинского фуэро 1076 г., однако в средневековой хронистике упоминается именно в связи с практикой, изначально получившей распространение в Сепульведе, а затем приобретшей характер прецедента³⁵. Речь идет о норме, которую, как считается, кастильский граф Санчо Фернандес изначально включил в сепульведские «древние фуэро» (*antiquos foros*), а именно выплата материального вознаграждения конникам-рыцарям за их участие в военных походах. В тот же период аналогичное положение было установлено знаменитым фуэро Кастрохериса (974). Отсюда, надо полагать, и берут свое начало обширные фискальные привилегии рыцарей, в полной мере отраженные «Пространным фуэро Сепульведы» (и не только им одним).

Это фуэро устанавливает прямую связь между фактом владения боевым конем и рыцарским вооружением, с одной стороны, и кругом фискальных привилегий, распространяющихся на их владельца – с другой³⁶. Позднее обычай материального вознаграждения рыцарей-участников походов (*fonsado*) развился в практику взимания специального платежа (*fonsadera*), поступления от которого распространялись между рыцарями в качестве платы за участие в кампании³⁷. Заметим, что к этим двум наиболее значимым нормам «Пространного фуэро Сепульведы» следует добавить еще целый ряд других, которые в содержательном плане можно объединить в следующие группы.

Нормы, содержащие фискальные привилегии рыцарей и оруженосцев из числа членов консехо. Речь идет об освобождении выплаты ординарных платежей (*pechos*) (FE Sep. [tit. 42c]), причем тот же порядок распространяется и на их вассалов и зависимых людей (*araniguados*). FE Sep. [tit. 198] частично включает в число лиц, пользующихся той же привилегией, также работников рыцарей и оруженосцев – пахарей, пастухов, мельников, огородников и др. Цель законодателя очевидна: он стремится предоставить рыцарям возможность присвоения рент, взимаемых с их работников, которые в противном случае вносились бы последними в пользу короля. Наконец, FE Sep. [tit. 65a] жалуется привилегии наследственным владениям (*heredades*) рыцарей и фиксирует особый порядок купли-продажи и наследования таковых.

Нормы, содержащие привилегии уголовно-правового характера. Их содержание представляется столь очевидным, что едва ли

О.В. Ауров

имеет смысл комментировать их подробно³⁸. Следует лишь обратить внимание на тот факт, что в средние века судебные платежи играли роль весьма важного источника доходов для феодальных властей, обладавших судебной юрисдикцией. В этом смысле можно квалифицировать означенные привилегии как еще один источник доходов рыцарей, пусть и косвенный.

Нормы, не имеющие четко выраженной материальной составляющей, но подчеркивающие общий привилегированный статус рыцарей³⁹.

Нормы, закрепляющие за рыцарями монополию на занятие ключевых должностей в системе территориальной общины-консехо⁴⁰. Эти должности предоставляли не только власть в ее рамках, но и целый ряд прямых и косвенных источников дохода для их обладателей (жалованье (soldadas), отчисления от судебных платежей и т.п.).

Разумеется, эти фискальные привилегии всей своей тяжестью ложились на плечи незнатной части консехо, тех его членов, которые не являлись ни рыцарями или оруженосцами, ни членами их семей, ни, наконец, их *araniguados*, т. е. челядью. Это подразделение общинников-весино на обладателей привилегий, с одной стороны, и «плательщиков» (*pecheros*), наследников традиции пеших ополченцев раннего Средневековья, с другой, со временем становилось все более ощутимым. В ходе Реконкисты границы смещались все дальше на юг, и Сепульведа постепенно утрачивала статус приграничного города-крепости. После «Великой» (или «Быстрой») Реконкисты королей Фернандо Святого (1217–1252) и Альфонсо Мудрого (1252–1284), когда единственным мусульманским анклавом в Западной Европе осталась лишь Гранада, расположенная на самом юге полуострова, королевская власть утратила необходимость в многочисленных отрядах пехотинцев из консехо Центральной Испании. Не минула эта участь и Сепульведу. Теперь непосредственная военная служба местной пехоты задействовалась лишь в экстраординарных случаях.

Строго говоря, истоки этого процесса фиксируются достаточно рано. Уже латинское фуэро Сепульведы 1076 г. ограничивает участие пехотинцев (*pedones*) в королевских походах-*fonsado*⁴¹. В связи с этим привилегированное положение рыцарства (военная служба которого по-прежнему сохраняла свое значение) и связан-

ные с ним доходы и особые права достаточно рано превратились в главное условие исполнения им соответствующих функций в системе военной организации королевства. По той же причине консехо непредставимо без рыцарской монополии на власть уже применительно к раннему Средневековью, т. е. ко времени конституирования самого этого института. Таким образом, в период высокого Средневековья соответствующие тенденции, вызванные к жизни специфическими условиями Реконкисты, лишь достигли своего апогея.

Особо следует отметить положение латинского фуэро Сепульведы 1076 г., провозглашающее возможность вступления рыцаря в отношения вассалитета⁴². Весьма показательны уже то, что в данном случае законодатель передает само слово «рыцарь» латинским *miles*. Несомненно, последнее является лишь синонимом кастильского *caballero* – термина, который фигурирует в остальной части памятника. Тем не менее здесь можно усмотреть и проявление более общей тенденции, которую Ж. Дюби в свое время отметил применительно к французским текстам того же периода. Как известно, к концу раннего Средневековья это слово обозначало в них не только профессионального воина-конника, но и вассала, принесшего клятву вассальной верности⁴³. Именно этот двоякий смысл латинского слова, подразумевавшего как рыцаря, так и вассала, наиболее точно соответствует контексту соответствующей нормы латинского фуэро.

Детали, связанные с регламентацией статуса рыцаря-вассала, в фуэро не фигурируют, и это вполне естественно: ведь вассально-сеньориальные отношения являлись объектом регулирования не столько местного, сколько феодального права *sensu stricto*. Эта сфера нашла отражение, в частности, в кодексах XIII в., первым из которых стало «Королевское фуэро» Альфонсо Мудрого, действовавшее в Сепульведе в качестве местного в период между 1256 и 1272 гг., когда оно активно насаждалось в качестве такового на большей части территории Кастилии и Леона⁴⁴. Весьма показательны, что нормы, касающиеся в этом памятнике вассально-сеньориальных отношений, посвящены главным образом материальной составляющей соответствующих уз⁴⁵. Красноречиво и само название интересующего нас титула (FR. III.13): «О вассалах, и о том, что им дается сеньорами» (*De los vasallos, e de lo que*

О.В. Ауров

les dan los señores), и то, что из семи составляющих его законов пять целиком посвящены проблеме вознаграждения вассалов и связанных с ним злоупотреблений. При этом законодатель заинтересован главным образом в регламентации принципов владения боевым конем, а также вооружением и снаряжением, полученными вассалом от сеньора. Очевидно, что в эпоху издания «Королевского фуэро» сам институт вассалитета воспринимался рыцарями прежде всего как путь обретения этих объектов, без которых, в свою очередь, было невозможно получить привилегии, связанные со статусом рыцаря.

Правда, возникает вопрос, в какой степени мы можем распространить эту тенденцию на период, предшествующий XIII в.? В данном случае следует принять во внимание еще одну норму, на этот раз – много более раннюю по времени провозглашения. Речь идет о законе, вошедшем в состав «Вестготской правды» (или, точнее, «Liber Iudiciorum»), а также ее кастильской редакции XIII в., так называемого «Фуэро Хузго». В последнем случае этот закон (FJ. V.3.1) содержит упоминание слова «вассал» (*vasallo*), единственное во всем тексте памятника, и регламентирует акт его материального обеспечения со стороны сеньора, в том числе – и наделение соответствующим вооружением. Включение латинского оригинала в состав вестготского судебника, как известно, датируется еще более ранним временем – второй половиной VII в. Однако известен и более ранний источник этой нормы, а именно одно из положений эдикта вестготского короля Эвриха (467–485), датированного приблизительно 475 г. Фрагменты эдикта сохранились в виде палимпсеста, изданного в свое время А. д'Орсом (а до него – К. Цеймером и некоторыми другими исследователями)⁴⁶. Интересующее нас положение известно как fr. 310–311. Сопоставление кастильской версии и оригинала показывает, что словом *vasallo* передается латинское *buccellarius* (военный клиент). Таким образом, речь идет об очень древней практике, оказавшей самое непосредственное влияние на становление института вассалитета на всем Пиренейском полуострове. Важен и тот факт, что кастильская версия памятника оставалась одним из источников права еще и в XIII в. Тем более она должна была иметь законную силу в эпоху издания латинского фуэро Сепульведы в конце XI столетия. Наконец, при ближайшем рассмотрении оказывается, что все содер-

жание титула «Королевского фуэро» FR. III.13 восходит к титулу вестготского судебника LI. V.3, в который вошли и упомянутые фрагменты эдикта Эвриха 310–311⁴⁷. Следовательно, связывать содержание FLSer. 35 с практикой вооружения вассала его сеньором вполне корректно.

Не менее важно и то, что в данном конкретном случае местное рыцарство ничем не отличалось от феодальной знати, поскольку норма «Королевского фуэро» имеет общий характер. О том же говорят и данные хроник, где правовые принципы вассалитета выглядят предельно общими, как в том, что касается магнатов (*ricos omnes*), так и применительно к простым рыцарям из числа членов консехо, с той лишь, разумеется, разницей, что знать вознаграждалась за свой вассалитет землями, замками, городами и широким комплексом административных, судебных и военных прерогатив⁴⁸. Разумеется, это отличие было весьма существенным, но оно не касалось правовой природы вассалитета как такового. Можно указать и на еще одну важную особенность, также прослеживающуюся на материале сепульведских сводов местного права. Речь идет о торжественном акте посвящения в рыцари. Один из титулов «Пространного фуэро Сепульведы» использует для его обозначения глагол *adobar*⁴⁹, восходящий к старофранцузскому *adouber* – «совершать посвящение в рыцари» (*adoubement*)⁵⁰. Знатные истоки этого ритуала не подлежат сомнению. Однако, как оказывается, он распространялся и на рыцарей из числа членов консехо.

Наконец, следует принять во внимание и данные, происходящие из источников неюридического характера. Речь идет о феномене *рыцарской идеологии*⁵¹, проявления которого отмечают и в Кастилии, прежде всего – в литературе эпохи «ренессанса» Альфонсо Мудрого. Одна из норм «Семи Партид»⁵², скорее трактата, чем свода действующего права, заставляет предположить, что «мудрый король» сознательно ставил перед собой цель укрепления сословного самосознания рыцарей. Тексты, составившие титул *Partid. IV.21*, используют понятие «рыцарь» (*caballero*) в предельно широком смысле, распространяя его на всех тех, кто получил этот статус в результате торжественного ритуала посвящения⁵³. Следует заметить, что кастильский язык «Партид» рассматривался их составителями как важное средство распространения их идей, в том числе и тех, которые касались рыцарства⁵⁴.

О.В. Ауров

В этом контексте так называемые *estorias*, написанные на разговорном языке, сильно отличались по своему содержанию от латинских хроник XII в. Последние в ряде случаев довольно четко различают *milites nobiles* от *milites ignobiles*⁵⁵, точно так же, как в тот же период и латинские хроники за Пиренеями. Кастильские же хроники и прежде всего компиляция, известная под названием «Первой всеобщей хроники» (*Primera Crónica General*), начинают воспринимать рыцарство как единое и нераздельное целое. В частности, «Первая всеобщая хроника» содержит характерный перечень героических образов начиная с окружения полупоэтического первого кастильского судьи Нуньо Расауро, первого графа единой Кастилии Фернана Гонсалеса или Сиды Кампеадора и вплоть до персонажей времени создания самой хроники, т. е. XIII в. У нас нет оснований для того, чтобы рассматривать все эти образы исключительно как продукт литературной фантазии, на чем настаивает ряд исследователей постмодернистского направления⁵⁶, однако, так или иначе, показателен перечень общих черт, которые отмечаются у всех персонажей (или, по меньшей мере, приписываются им составителями).

В числе выделяемых качеств – вассальная верность, храбрость, физическая сила, военное искусство и др. В первую очередь акцентируется презрение к физической смерти, страх перед которой оказывается несопоставим с вассальным долгом. В частности, в уста знаменитого рыцаря Диего Переса де Варгаса вложена характерная реплика: «Если мы не можем избежать смерти сейчас или позднее, то почему мы так боимся ее?»⁵⁷.

Подводя итоги, вернемся к началу текста, т. е. к ответу на вопрос о том, почему закон 213 «Пространного фуэро Сепульведы» закрывает ремесленникам доступ в сословие рыцарей. Ответ представляется очевидным: сам образ жизни рыцаря выглядит несопоставимым с теми условиями, которые были необходимы для занятия ремеслом или мелкой торговлей. Сепульведские рыцари XIII в. непредставимы вне исполнения целого комплекса сословных обязанностей. Прежде всего они распространялись на сферу управления: местное рыцарство не только обладало монополией на занятие должностей в системе территориальной общины-консехо, но и нередко (и далеко не только в Сепульведе⁵⁸) представляло

интересы своих сограждан как внутри общины, так и вовне⁵⁹. В этом смысле весьма показательны уже то, что фуэро категорически требует от ремесленника, решившего стать рыцарем и занять должность в консехо, отказаться от своей профессии (*menester*)⁶⁰. Причем эту норму следует понимать достаточно широко. Выполнение профессиональных обязанностей ремесленника требовало постоянного пребывания в городе, в своей мастерской, что было невыполнимо для рыцаря, обязанного исполнять свой вассальный долг и, следовательно, значительную часть времени находиться в военных походах. Ведь действовавшие в ту эпоху правовые нормы⁶¹ совсем не случайно рассматривают в качестве постоянных городских жителей тех рыцарей, которые проживали в Сепульведе чуть более шести месяцев в год – от Рождества до Пятидесятницы: очевидно, что остальная половина года посвящалась войне. Так могли ли люди, ведущие такой образ жизни, заниматься ремеслом? Нет, конечно. Более того, ремесленник едва ли был готов к такому образу жизни даже чисто психологически: ведь едва ли способен думать о делах своей мастерской человек, которого на каждом шагу подстерегает смерть. Экзальтированное восприятие жизни, протекающей на волосок от смерти, было просто неведомо простолюдину, тихому и честному производителю «материальных благ».

В целом же профессионализация функции воинов-конников сама по себе требовала их включения в систему, вне которой кастильский рыцарь был просто непредставим. Эта система изолировала его от «обычных» хозяйственных занятий, а единственным источником доходов, сопоставимых с его образом жизни, становилось получение рентных платежей. Его образ жизни приобретал все более четко выраженные аристократические черты с сознанием своей избранности в локальном мире средневековой Сепульведы. В XIII – начале XIV вв. эта аристократичность еще не предполагала полной сословной замкнутости местного рыцарства. Однако отнюдь не каждый горожанин (и, разумеется, не только в Сепульведе) желал принять трудности и лишения рыцарского образа жизни, даже несмотря на сопряженные с ним многочисленные привилегии. Именно поэтому правовые своды той эпохи – в частности, фуэро Кордовы⁶² – прямо предписывали, что вступление в рыцарское сословие возможно для того, кто не только обладает соответствующей физической силой и навыками (*equitare potue-*

О.В. Ауров

git), но и кто сознательно (voluerit) стремится к жизни, сопряженной с постоянными опасностями.

Примечания

- ¹ В их ряду, прежде всего, следует упомянуть имя С.Д. Червонова, который едва ли не первым обратился к этому тексту на рубеже 70-х – 80-х годов XX в. (см.: *Червонов С.Д.* Города Центральной Испании в XII–XIII веках (По данным фуэрос) // *Червонов С.Д.* Испанский средневековый город. М., 2005. С. 21–196 passim). Относительно недавно тексты раннего латинского (1076) и пространного фуэро (рубеж XIII–XIV вв.) были переведены на русский язык Г.В. Савенко, который снабдил его подробным вступительным исследованием и комментарием (см.: Памятники права средневековой Испании: Фуэро Куэнки. Фуэро Сепульведы / Предисл., перев. и коммент. Г.В. Савенко. М., 2004. С. 1–66, 367–497). Высоко оценивая сам факт обращения исследователя к этим сюжетам и значительный объем проделанной им работы, мы все же не можем не отметить, что методологические принципы, положенные в основу этого исследования, вызывают определенные сомнения. К тому же основой для перевода латинского фуэро Сепульведы 1076 г. послужило старое издание памятника, предпринятое полвека назад Э. Саэсом, тогда как относительно недавно А. Гамбра-Гутьеррес опубликовал две основные версии латинского текста (Fuero latino (Red. A, B) // *Gambra Gutiérrez A.* Alfonso VI: cancellería, curia e imperio. Vol. 2: Colección diplomática. Leon, 1998. P. 97 ss.). Именно поэтому в дальнейшем мы не будем ссылаться на этот перевод и исследование Г.В. Савенко. Все фрагменты обоих памятников, приведенные в настоящей статье, сделаны нами непосредственно с кастильского текста.
- ² FESep. 213: «Todo morador del arrabal **que non sea menestral** que toviere caballo que vala XX maravedies o dent arriba e que non sea ataharrado e tenga escudo e lança e perpunte e capiello non peche pecho ninguno sinon moneda et escusse sus aportellados commo los de la villa».
- ³ *Menendes Pidal R.* Introduccion. Vol. VI: España cristiana. Comienzo de la reconquista (711–1038) // *Historia de España / Fund. y dir. por R. Menendez Pidal.* (2 ed.). Madrid, 1988. P. XXVII–XXVIII.
- ⁴ *Pescador de del Hoyo C.* La caballeria popular en Leon y Castilla // *Cuadernos de historia de España* (далее CHE). 1961. Т. 33–34. P. 101–238; 1962. Т. 35–36. P. 56–201; 1963. Т. 37–38. P. 88–198; 1964. Т. 39–40. P. 169–260.

- ⁵ См., например, лишь некоторые работы по этой теме, чрезвычайно важные для нас с точки зрения методологии: *Duby G.* La société aux XI-e et XII-e siècles dans la région mâconnaise. Paris, 1953. P. 23–245; 411–437; *Idem.* La société chevaleresque. Paris, 1988; *Flori J.* La chevalerie en France au Moyen Age. Paris, 1995; *Idem.* La chevalerie. Paris, 1998; *Idem.* Chevaliers et chevalerie Moyen Age. Paris, 1998; *Idem.* L'essor de la chevalerie, XI–XII siècles. Genève, 1983; *Fossier R.* La Société médiévale. Paris, 1991. P. 276–280; *Mortimer R.* Knight and knighthood in Germany in the Central Middle Ages // The Ideals and Practice of Medieval Knighthood. Woodbrige, 1986. P. 86–103; *Noble P.S.* Knight and Burgesses in the feudal epic // Ibid. P. 104–110; *North S.* The ideal knight as presented in some French narrative poems, c. 1090 – c. 1240 // Ibid. P. 111–132; *Coss P.R.* The Knight in Medieval England, 1000–1400. Dover, 1996; *Cardini F.* Le guerrier et le chevalier // L'Homme Médiéval / Sous la dir. de J. Le Goff. Paris, 1989. P. 87–128, et al.
- ⁶ *Herculano A.* Historia de Portugal. T. III. Amadora, 1980. P. 310–314, 315–316, 335–341, 321–331, 361–395, 431–459. См. также: *Idem.* Da existência ou não-existência do feudalismo nos reinos de Leão, Castela e Portugal // *Idem.* Opusculos. Vol. IV. Lisboa, 1985. P. 269–306.
- ⁷ О концепции Э. де Инохосы см., например: *Levene R.* La concepción de Eduardo de Hinojosa sobre la historia de las ideas políticas y jurídicas en el derecho español y su proyección en el derecho indiano // Anuario de historia del derecho español (далее AHDE). 1953. T. 23. P. 259–287; *Martinez Ferrando J.E.* Don Eduardo de Hinojosa y el Archivo de la Corona de Aragon. (Datos para una biografía) // Ibid. P. 383–393; *Lascares C.M.T.* Eduardo de Hinojosa: político y historiador del derecho. Madrid, 1959; *Tomás y Valiente F.* Eduardo de Hinojosa y la historia del derecho en España // AHDE. 1993–1994. T. 63–64. P. 1065–1088 etc.
- ⁸ *Hinojosa E. de.* Origen del regimen municipal en Leon y Castilla // *Idem.* Estudios sobre la historia del derecho español. Madrid, 1903. P. 3–70.
- ⁹ О К. Санчесе-Альборносе и его концепции см., например: *García-Gallo A.* Claudio Sánchez-Albornoz, fundador del anuario (1893–1984) // AHDE. 1984. T. 54. P. 5–23; *Tomás y Valiente F.* Claudio Sánchez Albornoz // AHDE. 1993–1994. T. 63–64. P. 1089–1098; *Font Rius J.M.* Sánchez-Albornoz. Medievalista institucional // Ibid. P. 1099–1122; *Pérez Prendes J.M.* Semblanza y obra de don Claudio Sánchez-Albornoz // En la España Medieval. V: Estudios en memoria del profesor D. Claudio Sánchez-Albornoz. Vol. 1. Madrid, 1986. P. 19–52; *Grassotti H.* Historia de un historiador // Homenaje al profesor Claudio Sánchez Albornoz. Buenos Aires, 1964. P. 13–28; *Isola D.L.* Don Claudio Sánchez Albornoz // Estudios en homenaje a Don Claudio Sánchez Albornoz en sus 90 años, I.

О.В. Ауров

- Anexos de Cuadernos de Historia de España. Buenos Aires, 1983. P. 11–14; *Martin J.L.* Claudio Sánchez-Albornoz. Valladolid, 1986 etc.
- ¹⁰ Ключевые аспекты этой концепции в наиболее сжатом виде представлены в статье: *Sánchez-Albornoz C.* Une société d'exception dans l'Europe féodale // *AHDE*. 1980. Т. 50. P. 639–651.
- ¹¹ Наиболее важные замечания на этот счет были сформулированы в работе: *Sánchez-Albornoz C.* Despoblación y repoblación del valle de Duero. Buenos Aires, 1966.
- ¹² См., например: *Sánchez-Albornoz C.* La libertad humana en el reino asturleonés. Madrid, 1976. Особенно см. введение, написанное Х. Гонсалесом: *González J.* Prologo // *Ibid.* P. 9–43 (прежде всего P. 37–43). См. также работы К. Санчеса-Альборноса: *Sánchez-Albornoz C.* Pequeños propietarios libres en el reino asturleonés. Su realidad histórica // *Idem.* Investigaciones y documentos sobre las instituciones hispanas. Santiago de Chile, 1970. P. 178–201; *Idem.* La frontera y las libertades de los castellanos // *Ibid.* P. 537–550, et al.
- ¹³ *Sánchez-Albornoz C.* España y el feudalismo carolingio // *Idem.* Viejos y nuevos estudios sobre las instituciones medievales españolas. Madrid, 1976. Т. 2. P. 1251–1276; *Idem.* El ejército y la guerra en el reino asturleonés // *Idem.* Investigaciones y documentos... P. 202–286; *Idem.* Tradición y derecho visigodos en León y Castilla // *Ibid.* P. 127–128; *Idem.* El ejército visigodo: su protofeudalización // *Ibid.* P. 5–56; *Idem.* Proyecciones de la reconquista y repoblación en las instituciones feudo-vasaláticas de León y Castilla // *Ibid.* P. 551–559.
- ¹⁴ См., например, обзор: *López Quiroga J., Rodríguez Lovelle M.* Una aproximación arqueológica al problema historiográfico de la «Despoblación y repoblación en el valle de Duero» S. VIII–XI // *Anuario de estudios medievales* (далее АЕМ). 1991. Т. 21. P. 3–9.
- ¹⁵ Обратим внимание, прежде всего, на следующие работы: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры // *Он же.* Избранные труды. Т. 2. М., 1999. P. 15–260; *L'Homme Médiéval* / Sous la dir. de J. Le Goff. Paris, 1989 и др. См. также: *Bonnassie P.* Du Rhone à la Galice: Genèse et modalités du régime féodal // *Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X–XIII siècles)*. Paris, 1980. P. 17–55; *Isla Frez A.* La sociedad gallega en la Alta Edad Media. Madrid, 1992, et al.
- ¹⁶ *Valdeavellano L.G.* de. Orígenes de la burguesía en la España medieval. Madrid, 1969; *Idem.* Historia de España. De los orígenes a la Baja Edad Media. Т. 2. Madrid, 1980; *Idem.* Curso de historia de las instituciones españolas. De los orígenes al final de la Edad Media. Madrid, 1968.
- ¹⁷ *Carmen Carle M. del, Bo A.* Cuando empieza a reservarse a los caballeros el gobierno de las ciudades castellanas // *CHE*. 1948. Т. 4. P. 114–124;

Местное рыцарство в кастильском городе к середине XIV века...

Carmen Carle M. del. «Boni homines» y «hombres buenos» // CHE. 1964. Т. 49–50. P. 133–168; *Idem.* Del concejo medieval castellano-leonés. Buenos Aires, 1968. P. 5–42; 65–91; 138–160; 163–194; 229–242; *Idem.* La ciudad y su contorno en Leon y Castilla. (Siglos X–XIII) // AEM. 1972–1973. Т. 8. P. 68–103 etc.

¹⁸ См. выше примеч. 4.

¹⁹ См.: *Lourie E.* A Society organized for war: Medieval Spain // Past & Present. 1966. 35. P. 54–76. В настоящее время Е. Лурье работает в Израиле.

²⁰ *Powers J.F.* A Society organized for war. The Iberian Municipal Militias in the Central Middle Ages. 1000–1284. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.

²¹ Главные работы С.Д. Червонова (1955–1988) переизданы в кн.: *Червонов С.Д.* Испанский средневековый город. М., 2005 (особенно см. с. 94–98, 145–148, 376–382 и др.). См. также: *Корсунский А.Р.* История Испании IX–XIII вв. М., 1976. С. 176–181; *Минаков С.Т.* Социальная структура североиспанского города в XI–XIII веках // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 133–138.

²² Постепенная «интеграция» средневекового кастильско-леонского общества в систему концепций, выработанных применительно к западной Европе, началась, вероятно, с работ знаменитого французского медиевиста П. Боннасси (*Bonnassie P.* Op. cit.). Его идеи оказали сильное влияние на представления ряда медиевистов-испанистов. См., например: *Isla Freza A.* Op. cit.; *Gerbet M.-C.* Las noblezas españolas en la Edad Media. Siglos XI–XV // Trad. por M.J. Garcia Vera. Madrid, 1997; *Gutiérrez González J.A.* Fortificaciones y feudalismo en el origen y formación del reino leonés (siglos IX–XIII). Valladolid, 1995 и др. С другой стороны, модели западного феодализма предстают в работах современных медиевистов в гораздо менее категоричной форме, чем в эпоху Ф.-Л. Гансхофа. См.: *Les féodalités* / Sous la dir. de E. Bornazel et J.-P. Poly. Paris, 1998.

²³ См. выше примеч. 5.

²⁴ Для обозначения основных источников в работе использованы следующие сокращения:

BGC – Вецеро готико де Кардеña / Publ. por L. Serrano // Fuentes para la historia de Castilla. Т. 3. Silos, 1910.

CDC – Colección diplomática de Cuéllar / Ed. por A. Ubieto Arteta // Publicaciones históricas de la Exma. Diputación provincial de Segovia, VI. Segovia, 1961.

Chron. Adef. Imp. – Chronica Adefonsi Imperatoris // España Sagrada. Т. 21.

O.B. Aypov

- Cron. Est. Penins. – Crónica de los estados peninsulares. (Texto del siglo XIV) / Ed. por A. Ubieto Arteta. Granada, 1955.
- DCL – Documentación de la catedral de León. (Siglos IX–X) / Publ. por G. del Ser Quijano. Salamanca, 1981.
- Çid – Cantar de Mio Çid / Ed. por R. Menendes Pidal. T. 3. Prt. 4: Texto del Cantar Madrid, 1980.
- Dojm Otero – Documentos referentes al orden judicial del Monasterio de Otero de las Dueñas / Publ. por A. Prieto // AHDE. 1974. T. 44.
- F Cord. – El fuero de Córdoba // Reinado y diplomas de Fernando III / Publ. por J. González. T. 3. Madrid, 1986. P. 221, doc. n. 676 (a. 1241, Toledo).
- FESep. – Fuero extenso de Sepúlveda // Los fueros de Sepulveda / Ed. por E. Sáez // Publicaciones históricas de la Exma. Diputación provincial de Segovia, I. Segovia, 1953.
- FLSep. – Fuero latino. [Red. A] // *Gambra Gutiérrez A.* Alfonso VI: cancellería, curia e imperio. Vol. 2: Colección diplomática. Leon, 1998. P. 97–100.
- FJ – Fuero Juzgo // Fuero juzgo en Latín i Castellano. Madrid, 1815.
- FR – Fuero Real // Opúsculos legales del rey don Alfonso el Sabio. T. II. Madrid, 1836.
- Fr. Par. – Fragmenta Parisina // El Código de Eurico. Ed., palingenesia, índices por A. D'ORS (Estudios visigóticos. II). Roma; Madrid, 1960. P. 21–43.
- Hist. Rod. – Historia latina de Rodrigo Díaz de Vivar / Edición facsimil del manuscrito 9/4922 (olim A-189) de la Biblioteca de la Real academia de la historia. Estudios de G. Martínez Diez, J.M. Ruiz Asencio y I. Ruiz Albi. Burgos, 1999.
- LI – Liber iudiciorum // Leges visigotorum // MGH: Legum sectio, I / Ed. K. Zeumer. Hannoverae et Lipsiae, 1902.
- Partid. – Las Siete Partidas del Sabio rey don Alfonso... T. I. Madrid, 1555 (reprint. – 1974).
- Pelag. Hist. – Breve compendium, seu Pelagii ovetensis episcopi historia // Historias de cinco obispos. Coronista antigio en España / Recogidas por P. de Sandoval. Pamplona, 1615.
- Prim. Cron. – Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menendez Pidal. Vol. 2. Madrid, 1955.
- Rod. Tolet. – Roderici archiepiscopi Toletani De rebus Hispaniae // Hispania illustrata / Ed. A. Schottus. T. IV. Francofurti, 1606.
- Sancho el Mayor: AD – Colección de documentos de Sancho el Mayor // *Perez de Urbel J.* Sancho el Mayor de Navarra. Pamplona, 1950.

- ²⁵ См., например: *Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001. С. 78–134.
- ²⁶ FLSep. 31: «Et qui elmo et lorica dederit a cauallero seat scusado».
- ²⁷ Sancho el Mayor: AD. Ap. II. P. 393, doc. n. LXXIV (a. 1033): «...facio vobis <...> chartam venditionis et ingenuationis de vnus villa qua vendidi vobis, hic est Aduaing prenominata, et accepi ex vobis pretium **lorica vna** et centum solidos argenti, quantum mihi bene placitum fuit».
- ²⁸ Hist. Rod: P. 35: «Cum uero rex Sactius Zemoram obsederit, tunc fortune casu Rodericus Didaci solus cum XV militibus ex aduersa parte contra eum pugnantibus. **VII autem ex his erant loricati**, quorum unum interfecit, duos uero uulnerauit et in terram prostrauit, omnesque alios robusto animo fugauit».
- ²⁹ FESep. [tit. 74]: «*De los cavalleros como ayan sus escusados*: “De los escusados. Qui fuere en la hueste, quien levare **cavallo**, que non sea ataharrado, & **escudo**, & **lanca**, & **capiello**, & **perpunt**, aya tres escusados enteros. Qui levare **loriga o lorigon & brofuneras**, aya VII escusados enteros, & si brofuneras non levare, non aya mas de seys escusados. Qui levare **armas a cuello** & esto sobredicho, aya ocho escusados enteros. Qui levare **cavallo de diestro**, & **coberturas**, & **sonages** & todo esto sobredicho, aya IX escusados enteros. Qui levare **tienda redonda** & todo esto sobredicho, aya X escusados enteros. Qui levare **loriga de cavallo** & esto todo sobredicho, aya doze escusados enteros”».
- ³⁰ Проблема материальной и символической ценности боевых коней в средние века посвящена специальная работа, в настоящее время для нас недоступная: *Davis R.H.C.* The medieval warhorse // *Horses in European Economic History*. London, 1983. P. 4–20.
- ³¹ См., например: *Dojrn Otero*. P. 633–635, doc. n. XIV (a. 1012): «Ego Adefonsus rex, prolis Ueremundi, tiui Monio Muniuzi... Placuit namque serenitate me ut tibi taxato Munnio, facerem kartam uendicionis et donacionis de uilla mea, qui fuit de Ablabel et Gunterodo, qui est in prouincia asturiense, secus albeo Leena, uilla quem uocitant Clausas, cum hominia sua, casas, cuncta edificia, terras, pomares, omnes genu arboris, uineis, montes, fontes, pradis, pascuis, paludibus, molinis, cesum atque regressum, per cunctis suis terminis ad integritate, **pro que acebi de te precium kaballum obtimum**, ualente solidos CCL, et que nobis bene placuit... abeas tu et post te ereditas tua...»
DCL: P. 170, doc. n. 66 (a. 914–921): «Et **adcebimus de uobis in precio kabal(lum ... kabal)lum cum frono et cum suam sella** et (...) iscalem de VI ariencios...»
BGC. P. 44, doc. n. 37 (a. 955): «Et ego accepi ex vobis precium quantum mici bene complacuit, id est, **kavallo per colore bayo** et pelle annina et XX solidos de argento...»

O.B. Ауров

- Dojrn Otero. P. 668, doc. n. XLIX (a. 1044): «...pro que adzepimus de uos in prezio XXIII boues, ualiente CCXL solidos de argento et **unno kauallo**, adpreziato in XXX solidos...»
- ³² См., например: Çid. vv. 1334–1337: «Grandes son las ganancias quel dio el Criador, / Feuos aqui las señas, verdad uos digo yo: / **Cient cauallos gruesos & corredores**, / **De siellas & de frenos** todos guarnidos son...»; Ibid. vv. 1852–1854: «Las ganancias que fizo mucho son sobeianas, / Ricos son venidos todos los vassallos, / E em bia uos **dozientos cauallos**...»
FR.III.10.4: «...el rey mandava que ningun cavallo non valiese mas de cient maravedis...»
CDC. P. 43, doc. n. 16 (a. 1256): «...el cavallo de treynta moravedis arriba...»
- ³³ См.: *Gambra Gutiérrez A.* Alfonso VI: cancillería, curia e imperio. Vol. 2: Colección diplomática. Leon, 1998. P. 95–103.
- ³⁴ FESep. [tit. 16]: «*Del marido a su muger que pueda mandar una dona*: “...salvo dent **armas**, que non pueda mandar el marido a su muger. Et si la muger finare, **todas las armas que ovieren sean del marido**; et si el marido finare ante que la muger & fijos non ovieren, quantas armas ganaren en uno, partanles por medio; et las otras armas que sean de aquel linage onde vinieren. Et si fijos varones non ovieren, las fijas que ovieren, las hereden”». Cfr.: CDC. P. 62–63. doc. n. 21 (a. 1264, Sevilla): «...mandamos que quando el cavallero finare, **que fiquen el cavallo e las armas en el fijo mayor**; e que non entren en particion de la mugier, nin de los otros fijos, mas que fique al fijo mayor. E si este oviere armas de suyo, que fiquen a otro fijo que oviere cerca del mayor. E si mas armas oviere el padre, sacando ende armas conplidas de cavalleros, las otras que las metan en particion; e esto mismo sea quando finare la mugier del cavallero, que fiquen las armas conplidas al marido, e non partan en ellas los parientes della, nin los fijos, mas que fiquen en el e depues en el fijo, assi como sobredicho es. E si mas armas y oviere de cumplimiento para cavallero, entren en particion; e si non oviere fijo, que fiquen al pariente mas propinco que las non oviere».
- ³⁵ Rod. Tolet. P. 214: «Hic obtinuit Pennam fidelem, & Septem publicam, & Madolium, & Montelionem, & Varinatim, Oaromam, & Sanctum Stephanum <...> & multa intulit agarenis. Antiquos **foros Septempublicae** iste dedit. Castellanis militibus qui & tributa soluere, & militare cum principe tenebantur, contulit libertates, videlicet vt nec ad tributum aliquod teneantur, nec sine stipendiis militare cogantur».
Cfr.: Prim. Cron. P. 454: «Este conde don Sancho gano Pennafiel et Sepuluega, Maderuelo, Monteio, et cobro de los moros Gormaz et Osma et San Estevan <...> et fizo mucho mal a moros. Este dio **los fueros antiguos**

de Sepulvega; et dio franqueza a los caualleros castellanos que non pechassen nin fuessen en hueste sin soldadas, ca dantes del conde don Sancho pechauan los caualleros, et auien de yr con el sennor do los auie mester.»; Cron. Est. Penins. P. 64: «Aquest fizo los antiguos *fueros buenos que claman los fueros de Sepulvega*. Assi mismo dio libertat a los cavalleros e fidalgos que non le fiziesen peyta alguna. Otrossi que quando yssen a servir a el que les pagas sueldo, porque primero ellos daban peyta e servian a sus messiones al conde».

³⁶ FESep. [tit. 74] (текст фрагмента см. выше в примеч. 29).

³⁷ FESep. [tit. 75]: «El conceio de Sepulvega non sea tenido de ir en hueste, si non fuese con el cuerpo del rey, a aguardar tres meses, & non mas. Et si el rey non quisiere que vayan con el, non vayan en otra hueste ninguna, nin pechen *fonsadera*. Et si fueren en la hueste, *los cavalleros* que hy fueren, *ayan toda la fonsadera* de los que non fueren. Et qui non fuere en la hueste, el que oviere valia de dozientos mrs. o dent arriba, peche X mrs.; et de XX fasta LX-a non peche mas de V mrs. *Et otro ninguno, que non aya parte en la fonsadera, sinon los cavalleros que fueren por el conceio, & aguarden la senna*. Otrossi, el cavallero que alguna bestia se le muriere en la hueste, que ia pechen de la *fonsadera*».

FESep. [tit. 77]: «...*todo iuez de Sepulvega* que dado fuere por conceio, si a hueste ovieren de ir, por mandado del rey, con el conceio, o con cavalleros a mano, & la senna levare & lid campal ovieren, *aya dozientos mrs. de la fonsadera* & todos sus escusados, segunt armas levare. Et sis pararen en az pora aver la fazienda, & non la ovieren, *aya cient mrs.* & todos sus escusados. Et si non ovieren lid campal, nin se pararen en az pora aver la fazienda, *aya L-a mrs. de la fonsadera* & todos sus escusados, assi como sobredicho es. Et si hueste pregonada fuere, & sacare la senna fuera de la villa, & non ovieren de ir en hueste, *aya XIII mrs.*, et *pechenlos el pueblo de las aldeas*».

³⁸ Ограничимся лишь наиболее ярким примером: FESep. [tit. 45]: *De lision*: «De lision. Qui quebrantare oio, o taiare mano, o pie, o rostro, o reia, o nariz, por qualquiere d'esto, si gelo connociere, peche, peche veinte & cinco mrs.; & si cavallero o escudero fuere, peche quinientos sueldos demas de la calonna, & sea enemigo d'el & de sus parientes de al tal recibir, et sean estas calonnas del querelloso».

FESep. [tit. 48]: «*Del qui casas pedreare*: “Qui casa apedreare, de noche, peche XXX mrs. <...> & si casas fueren de cavallero, o de escudero o de duenna, peche quinientos sueldos demas de la calonna”».

FESep. [tit. 57]: «*De las feridas*: «Qui a otro firiere con fierro, o con palo, o con piedra, o con otra arma alguna que livores le faga, peche cinco mrs. E sil' firiere en la cara, quel' non cubra cabello, peche X mrs.; & si non

oviere de que pechar la calonna, quel' corten la mano. <...> **Et si cavallero o escudero fuere**, peche quinientos sueldos demas de la calonna».

FESep. [tit. 59]: «*De qui tayare dedos o echare dientes*: “Por dedos & por dientes. Qui dedo taiare a otro, por el pulgar peche cient sueldos, & por los otros, assi commo van, por cada uno d'ellos mengue X sueldos fasta cabo. Otrossi, qui dientes echare a otro, por los dos [de] delante, quier de los de yuso quier de los de suso, por cada uno d'ellos peche cient sueldos, & por cada uno de los otros, assi como van mengue X sueldos fasta cabo. <...> Et si cavallero o escudero fuere, peche quinientos sueldos demas de la calona”».

FESep. [tit. 217]: «*De los aportellados & de los amos*: “Tot omne que fuere aportellado del de la villa, o el que fuere amo del cavallero que criare su fijo o su fija, si alguno le acotare & dixiere: «acotat vos a mi sennor», & despues le llamare ante los alcaldes o ante los iurados, peche I mr. del coto, el quel' acotare, como sobredicho es. Et si al sennor acotare, trayalos a derecho ante los alcaldes o ante los iurados”». (etc.).

³⁹ См., например: FESep. [tit. 84]: «*De los fieles*: “Todo omne que por fiel viniere, si cavallero fuere, den le una bestia de siella en que venga & en que vaya, & denle amos a dos dos mencales; & si fueren dos fieles, pague cada uno su fiel, & denle que despienda por la carrera; & al peon nol' den bestia ninguna”».

FESep. [tit. 237a]: «Otrossi todo cavallero o escudero, el anno que casare non vaya en hueste nin peche fonsadera».

⁴⁰ FESep. [tit. 222]: «*Del qui fallaren con rayos*: “Otrossi, tot omne que fallaren con rayos, sacandolos, o levandolos, & lo tomaren quatro cavalleros, que ge lo leven, a las iuras que iuraron, al conceio, & peche X mrs. Et si la quantia non oviere, quel' corten la mano diestra”».

FESep. tit.[222a]: «Otrossi, al que fallaren haciendo ronna, que ge lo leven quatro cavalleros, & peche cinco mrs., & si non oviere de que los pechar, cortenle la mano diestra».

FESep. [tit. 175]: «*Del iuez & de los alcaldes*.: FESep. [175]: “Otrossi, qui non toviere casa en la villa & cavallo por el anno d'antepasado, non sea iuez. Otrossi, non sea iuez qui quisiere aver el iudgado por fuerca. Otrossi, cada collation, aquel dia que es dicho, den su alcalde atal quel dixiemos del iuez, & que aya cavallo del anno de ante & tenga casa poblada en la villa”».

⁴¹ FLSep. 30: «Et ad fonsado de rege si uoluerint ire **non uadan nisi los caualleros**, si non fuerit a cerca de rege aut a lide campal, et ad isto uadan caualleros et pe[dones los] uezinos».

⁴² FLSep. 35: «[O]mnis **miles qui uoluerit bene buscare de senior** faciat so foro, et uadat a quale senior quesierit, qui non seat nostro guerrero, cum sua casa et sua heredade».

- ⁴³ *Duby G.* Les origines de la chervalerie // *Idem.* La société chevaleresque. Paris, 1988. P. 44–48.
- ⁴⁴ См., например: *González Díez E.* Castilla, Sepúlveda y el derecho de la frontera // Los fueros de Sepúlveda. I Symposium de estudios históricos de Sepúlveda. Madrid, 2005. P. 138–142.
- ⁴⁵ FR. III.13.3: «Sy alguno se quisier espedir de aquel que lo fizo caballero seyendo su señor, non lo pueda fazer fasta un año cumplido del dia que lo fizo caballero: et si lo alguno ficiere ante del año cumplido, non vala e torne doblado a aquel quel fizo cavallero quanto del ovo, tan bien **por razon de la cavalleria como por lo que tomo por soldada**».
- FR. III.13.4: «Toda cosa que **el vasallo** recibiere de **su señor** por donadío, **quier en lorigas, quier en otras armas, quier en cavallos**, ayalo todo por suyo e quanto con él ganó: et si quisier dexar **aquel señor** que gelo dió e tomar otro, puedalo facer, mas torne **a aquel señor** que dexa, **las armas y los cavallos** que dél avie, e quanto del tenie, **fueras las soldadas** que ovier servidas: et esto mismo mandamos si **el señor** moriere, e **el vasallo** se quisier quitar de **los fijos del señor**».
- FR. III.13.5: «Si **señor** dexare al **vasallo** sin culpa **del vasallo**, o si por su placer tomare **el vasallo otro señor**, nol torne ninguna cosa de quantol dió, fueras ende **las lorigas e las brafoneras** que del ovo, que mandamos que gelas torne».
- FR. III.13.6: «**Todas las armas** que **el señor** diere a **su merino** con quel sirva, ayalas el merino, e **el señor** non gelas pueda toller jamas; pero todas las cosas que **el merino** ganare en su merindalgo todas sean del señor, et esto mismo mandamos de **los mayordomos**».
- FR. III.13.7: «Sy **el vasallo** despues que se espediere de **su señor** non le quisiere torna **las armas e los cavallos** que dél ovo, puedalo **el señor** reptar por **las lorigas**, mas **los cavallos e las otras armas** puedalas demandar por su fuero: et si antes que sea espedido de **su señor** segund que mandan las leyes que se debe a espedir, algun daño o alguna guerra le ficiere, maguer que se torne **vasallo dotre**, puedalo reptar por ello: et mandamos que **el señor** de quien algun fidalgo se espediere, que non le faga por ello otro mal, si non quel demande su derecho si quisiere, nin le denueste, nin le avilte por ello».
- ⁴⁶ FJ. V.3.1: «Si algun ome diere **armas** a aquel quel ayuda en la lid, o otra cosa, develo aver aquel a quien es dado, e si depues quisiere tomar **otro sennor**, puedelo fazer si quisier; ca esto non pueda omne defender a omne libre, que es en poder. Mas quanto tomo del primero **sennor**, todo ie los deve entregar. <...> E si el **vasallo** muriere, e oviere fija, e non oviere fio, la fia mandamos que finque en poder del **sennor**...»
- LI. V.3.1 (Antiqua): «Si quis ei, quem in **patrocinio** habuerit, arma dedorit vel aliquid donaverit, aput ipsum que sunt donata permaneant.

Si vero alium sibi *patronum* elegerit, habeat licentiam, cui se voluerit commendare; quoniam ingenuo homini non potest proiberi, quia in sua potestate consistit; sed reddat omnia *patrono*, quem deseruit. <...> Quod si *buccellarius* filiam tantummodo reliquerit et filium non reliquerit, ipsam in potestate *patroni* manere iubemus».

Fr. Par. 310: «Si quis *buccellario* arma dederit vel aliquid donaverit, si in *patroni* sui manserit obsequio, aput ipsum quae sunt donata permaneat.

2. Si vero alium sibi *patronum* elegerit, habeat licentiam cui se voluerit comendare, quoniam ingenuus homo non potest prohiberi, quia in sua potestati consistit; sed reddat omnia *patrono* quem deseruit. <...> 5. Et si filiam reliquit, ipsam in *patroni* potestate manere iubemus...»

⁴⁷ FR. III.13.6: «*Todas las armas* que *el señor* diere a *su merino* con quel sirva, ayalas el merino, e *el señor* non gelas pueda toller jamas; pero todas las cosas que *el merino* ganare en su merindalgo todas sean del señor, et esto mismo mandamos de *los mayordomos*. Cfr.: Fr. Par. 311: *Arma* quae *saionibus* pro obsequio dantur, nulla ratione repetantur; 2. sed illa que, dum *saius* est, adquisivit, in *patroni* potestate consistant».

⁴⁸ Prim. Cron. 845. P. 519: «Et el rey don Alfonso <...> enio sus cartas por toda la tierra que uniesen alli a fazerle uassallage. <...> Los de Leon et los gallegos et los asturianos <...> uinieron luego a Camora, et recibieronle por rey et sennor, et fizieronle y luego uassallage et omenage de guardarle. ... Sinon Roy Diaz el Cid solo, quel non quiso recebir por sennor nin besarle la mano fasta quel yurasse que non auie ninguna culpa en la muerte del rey don Sancho. <...> Despues que la yura fue tomada et acabada, quiso Roy Diaz el Cid besar la mano al rey don Alfonso».

⁴⁹ FEsep. [tit. 74]: «Qui levare loriga de cavallo & esto todo sobredicho, aya doze escusados enteros. Et qui con escusados *se adobare* fasta quanto oviere a aver, finquese en paz. E si de su casa quisiere fazer su mission, a la venida aya todos sus escusados».

⁵⁰ См., например: *Flori J.* La chevalerie en France... P. 17–31, 74–87, 219–222; *Cardini F.* Le guerrier et le chevalier... P. 120–123; *Coss P.D.* Op. cit. P. 52–53 (etc.). Применительно к Кастилии см.: *Belmartino S.M.* Estructura de la familia y *edades sociales* en la aristocracia de León y Castilla segun las fuentes literarias y historiograficas. (Siglos X–XIII) // CHE. 1968. T. 47–48. P. 308; *Porro N.R.* La investidura de armas en el *Amadis de Gaula* // CHE.1973. T. 57–58. P. 331–407; *Idem.* El ingreso de Villasandino en la caballería (Cancionero de Baena, 225) // CHE. 1977. T. 61–62. P. 363–365.

⁵¹ См., например, известные работы Ж. Флори, признанного специалиста в исследовании этих сюжетов: *Flori J.* L'idéologie du glaive. Préhistoire de la chevalerie. Genève, 1983; *Idem.* L'essor de la chevalerie, XI–XII siècles. Genève, 1983.

- ⁵² Partid. II.21.20: «Como ante los caualleros deuen *leer las estorias* de los grandes fechos de armas quando comieren porque oyendo las les crescian las voluntades, e los coraçones, esforçauan se, faziendo bien, e queriendo llegar, a lo que los otros fizieran, o passaran por ellos».
- ⁵³ Partid. IV.21.14: «...e esto ha de ser fecho en tal manera, que *passada la vigilia*, luego que fuere de dia *deve primeramente oyr su Missa, e rogar a Dios*, que guie sus fechos para su seruicio. E despues ha de venir el que le ha de fazer cauallero, a preguntarle, si quiere rescebir la Orden de Caualleria, e si dixiere si, *hale de preguntar, si la manterna*, assi como se deue mantener; e despues que gelo otorgare, *deuele calçar la las espuelas*, o mandar a algund cauallero que gelas calce. <...> E de si hale de *ceñir la espada* sobre el brial que viste, assi que la cinta non sea muy floxa; mas que se llegue al cuerpo. <...> E desque la espada le ouieren seruido, *deuenla sacar de la vayna, e ponergela en la mano diestra e fazerle jurar esas tres cosas*. La primera, que non recele de morir por su Ley, si fuere menester. La segunda, por su Señor natural. La tercera por su tierra. E quando esto ouiere jurado, *deuele dar vna pescoçada*, porque estas cosas sobredichas le vengán en miente...: e despues desto hale de besar, en señal de la fe, e de paz, e de hermandad, que deue ser guardada entre los caualleros».
- Partid. IV.21.15: «*Desceñir la espada*, es la primera cosa que deuen fazer, despues que el cauallero nouel fuere fecho. <...> Et este deue ser fecho <...> por mano de <...> su señor natural, o ome honrrado, <...> o cauallero que fuesse muy bueno de armas. <...> Et a este que le descieñe el espada, llamanle Padrino <...> Padrino del cauallero nouel, desceñiendole el espada con su mano, otorga, e *confirma la caualleria* que ha recebido».
- ⁵⁴ О роли литературы на разговорном языке в контексте «ренессанса» Альфонсо X см., например: Procter E.S. The Castilian chancery during the Reign of Alfonso X (1252–1284) // Oxford Essays in Medieval History Presented to H. E. Salter. Oxford, 1934. P. 104–121; Karsten L. Alfonso el Sabio and the Thirteenth-Century Spanish Language // Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance / Ed. R.I. Burns. Philadelphia, 1990. P. 41–42 etc.
- ⁵⁵ Pelag. Hist. P. 78: «...tunc comites & *militēs nobiles, & ignobiles* siue & ciues decaluatis capitibus <...> dolore cordis dabant uoces vsq. ad coelos».
- Chron. Adef. Imp. P. 343: «Congregati sunt autem *nobiles & ignobiles milites*...» .
- ⁵⁶ См., отражение подобной позиции в следующих работах: Martin G. Cinq opérations fondamentales de la compilation: l'exemple de l'Histoire d'Espagne (Étude segmentaire) // L'Historiographie médiévale en Europe /

O.B. Ауров

Ed. par J.-Ph. Genet. Paris, 1991. P. 99–109; *Idem*. Les juges de Castille. Mentalités et discours historique. Paris, 1992; *Fernández-Ordóñez I*. Novedades y perspectivas en el estudio de la historiografía alfonsí // Alicante. 2 (2001) (http://www.uam.es/personal_pdi/filoyletras/ifo/publicaciones/9_a.pdf); *Dyer N.J*. Alfonsine Historiography: The literary narrative // *Emperor of Culture* ... P. 248.

- ⁵⁷ Prim. Cron. 1054. P. 738: «*Somos caualleros*... ca non biuremos por sienpre, et morir auemos, et de la muerte ninguno de nos non se puede escusar; et pues de la muerte non nos podemos escusar agora o depues, porque auemos della tan grant miedo? Et ssy agora nos alcancare la muerte, venirnos a con muy grant onrra et sernos a onrrada et con bona fama, faziendo derecho et lealtat, lo que todo omne bono deuie fazer. Et pues tan poco es la uida deste mundo, por miedo de la muerte non deuemos dexar perder tan noble cosa commo es la penna de Martos, et que sea catiua la condessa et las duennas».
- ⁵⁸ FESep. [tit. 222]: «*Del qui fallaren con rayos*: “Otrossi, tot omne que fallaren con rayos, sacandolos, o levandolos, & lo tomaren *quatro caval-leros*, que ge lo leven, a las iuras que iuraron, al conceio, & peche X mrs. Et si la quantia non oviere, quel’ corten la mano diestra”».
- FESep. tit.[222a]: «Otrossi, al que fallaren haciendo ronna, que ge lo leven *quatro cavalleros*, & peche cinco mrs., & si non oviere de que los pechar, cortenle la mano diestra».
- Cfr.: CDC. P. 129. doc. n. 57 (a. 1306, Burgos): «...enbiastes a mi a Sanz Garcia e a don Ferrando e a Vela Ferrandez e a Vela Moñoz, *cavalleros de vuestra villa*, a me pedir mercet por muchos agravamientos que recibedes el concejo, todos comunalmentre...»
- ⁵⁹ Представляется, что исполнение своих функций так называемыми cavalleros de la sierra, исследованными Х. Кано-Валерой, являлось частным проявлением этой общей тенденции. См.: *Cano Valera J*. El origen de la cavallería de la sierra y su función de guarda y vigilancia del término concejil (siglos X al XIII) // *Los fueros de Sepúlveda*. I Symposium de estudios históricos de Sepúlveda. Madrid, 2005. P. 231–253.
- ⁶⁰ FESep. [tit. 212]: «...mando que ningun omne que menestral fuere non sea iuez ni alcalde, nin aya portiello ninguno en la villa nin en arraval, fuera ende biva por su menester».
- ⁶¹ CDC. P. 43. doc. n. 16 (a. 1256, Segovia): «...los cavalleros que tovieren las mayores casas pobladas en la villa <...> desde ocho dias ante de Navidad fasta ocho dias depues de cinquasma...»
- ⁶² F Cord. P. 221: «Et, si quis de peditibus equitare potuerit uel uoluerit in aliquibus temporibus, equitet et intret in mores militum».